

НА СНИМКЕ: А. Фадеев на открытии пионерского лагеря Челябинского металлургического завода. 1952 год.

НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ

Фадеевские дни сегодня пришли на древнюю тверскую землю, на берега великой Волги. Здесь, в городе Кимры, 80 лет назад родился будущий писатель А. А. Фадеев. И пусть потом жизненные дороги увели его далеко от наших мест, пусть потом над головой юного Фадеева долгие годы шумела дальневосточная тайга, этот наш верховолжский край остался с ним до конца жизни. Да, юность Александра Фадеева прошла на Дальнем Востоке, там мучал его характер, там стал он бойцом за новую жизнь, партизанская война целиком увлекла юношу. В этой борьбе он идейно закалился. Товарищи по борьбе приняли его в партию большевиков.

Но как бы далеко ни увели дороги человека от родимой земли, от своей родины, есть у каждого из нас в душе незримые, но нерасторжимые нити, связывающие нас с отчим домом. Немногие, видимо, теперь помнят о том, что Александр Александрович в разное время неоднократно бывал в нашей Калининской области. В 1951 году Фадеев был избран депутатом Верховного Совета РСФСР по Бологовскому избирательному округу. Приезжая в Бологое, он встречался с молодыми избирателями в городском Доме культуры, с железнодорожниками локомотивного депо. Потом не-

однократно присылал свои книги в городскую библиотеку, поддерживал связи со школой № 11. Он отдыхал и охотился в наших лесах. 15 июля 1954 года, например, он сообщил в одном из писем, что находится у своего товарища по Горной академии, директора завода, на реке Шоша в Калининской области. Бывший директор завода В. Е. Диев недавно опубликовал в «Калининской правде» интересные воспоминания о тех днях.

Восемьдесят лет, которые отделяют нас от дня его рождения, принесли читателю его прекрасные книги «Разгром», «Молодая гвардия», «Последний из Удэге», сегодня на книжных полках калининцев все то, что вышло из-под пера Александра Александровича Фадеева. Сюда, на берега Волги, съехались представители писательских организаций разных городов от делегации Союза писателей СССР. 22 декабря в областном драматическом театре состоялся большой литературный вечер, посвященный юбилею выдающегося советского писателя. 23 декабря праздник придет в древний город Кимры, на родину писателя. Здесь, в зале городского драматического театра, тоже состоится литературный вечер, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Фадеева.

А. СКВОРЦОВ.

ПРАВДА ЗА НАМИ...

ВЫСОКИЕ кабинетные двери. Я остановился на пороге. Фадеев встал из-за письменного стола. Здраваясь, весело впился в меня серыми с синими искорками глазами. Узкий в плечах, с большими «мальчишескими» ушами, прямым тонким носом, в темном костюме и цветной сорочке с изящно повязанным галстуком, он показался мне в эту минуту моложе своих сорока восьми лет. Был полдень. В сумеречном кабинете, разделенном аркой, с тяжелыми шторами на трех окнах и длинным столом заседаний, горела под потолком люстра. От ее яркого света еще резче отливались чистым серебром рано поседевшие волосы Фадеева.

— Прощу! — он указал на кресло. — Не люблю, знаете ли, смесь дневного и вечернего света! — Фадеев выключил люстру, раздвинул шторы на окнах, вернулся за письменный стол. — В вашем лице хочу приветствовать нужного нам человека в аппарате правления.

— Признаюсь, Александр Александрович, для меня это приятно и неожиданно.

— То, что приятно — это хорошо. А неожиданность, коль она тоже приятна, должна радовать. Нужно, понимаете, энергично взяться за дела кинокомиссии. Ее председателем мы утвердили Константина Симонова, вам предлагаем быть заместителем. Вместе с Константи-

ном Михайловичем наметьте, пожалуйста, новый состав комиссии. Что главное? Систематически вовлекать писателей в киноматографию, так сказать, нацеливать их на генеральные темы.

— Беда в том, что большинство ведущих писателей и драматургов, я это заметил, работая в Министерстве кинематографии, холодно, даже в какой-то мере пренебрежительно относятся к сценарию как к жанру литературы третьего сорта.

— Да-а, — протянул Фадеев, припал головой к спинке кресла, смежил глаза, скрыл лицо.

— Вам нездоровится, Александр Александрович?

— Печенка что-то гримасничает... Видать, держава в теле убывает... А что вы скажете относительно Вишневого, Вирты, Погодина, Корнейчука, Штейна, Спешнева?..

— Радостное исключение! Пожалуй, можно добавить еще несколько имен.

— Мало, мало, — тихо произнес Фадеев из глубины кресла, тут же распрямил плечи. — Нам нужно, понимаете, сдвинуть, соединить два противоположных берега в одно большое творческое поле. Чтобы никакого, так сказать, водораздела! Короче говоря, обязанность Симонова и ваша — заключить между Министерством и Союзом писателей, так сказать, договор дружбы, давать бой тем, кто придержи-

вается позиций аполитичности в киноискусстве, формализма. Ох, как нам нужны фильмы о высоком и прекрасном! Это же важнейшая задача реалистического искусства!

С Константином Михайловичем мы быстро нашли общий язык. Мы представили секретариату проект нового состава кинокомиссии. Он был одобрен.

— Теперь разработайте план действий на ближайшие годы, — предложил Фадеев, — созовите расширенный пленум кинокомиссии. Я уеду в Нью-Йорк на Всемирный конгресс деятелей науки и культуры в защиту мира. Вряд ли успею домой, к вашему пленуму. Без меня Симонов проведет! Всей душой желаю вам успеха!

...Фадеев вернулся в первых числах апреля. Симонов был в командировке, и рассказывать Александру Александровичу об удачно проведенном пленуме пришлось мне.

— Доброе дело сделали! — выслушав, сказал Фадеев. — На первое место мы должны выдвигать сценарии о борьбе за мир. В этом меня лишний раз убедил конгресс в Нью-Йорке.

Он стал делиться своими впечатлениями.

— Понимаете, как остро сейчас стоит эта проблема и, видимо, будет стоять еще долгие годы. Я выступил на конгрессе, так сказать, с предельной искренностью. Мои слова о том, что свободна на свете только

правда, но прежде чем решать, кто более свободен на свете, надо честно уяснить, на чьей же стороне правда! — Фадеев ухмыльнулся, — вызвали горячий отклик. Потом я заявил, что мне, русскому писателю, может быть, уместно будет напомнить, что добрые отношения между Америкой и Россией имеют, так сказать, более давние традиции, чем отношения плохие, что добрые отношения сложились еще со времени борьбы Америки за свою независимость в позапрошлом веке. Разумеется, сослался на оду Радищева «Вольность», на «Европейские заметки» Фенимора Купера, ну и, конечно, упомянул Чернышевского, посягнувшего немало замечательных статей, проникнутых любовью к американскому народу.

— Напомнили, вероятно, и о встрече на Эльбе?

— Да! Сказал, что было бы странно в наши дни, когда советские и американские люди вместе проливали кровь против немецких нацистов, чтобы два наших великих, сильных народа не нашли единства в обеспечении мира на планете. Знайте, говорю, скажите, кому должно, во всеуслышание: мы, советские люди, поддерживаем стремление американцев, выраженное устами их прогрессивных деятелей, к миру, к укреплению мира!..

— Александр Александрович, вы рассказываете волнующие вещи!.. У нас, кстати, в этом плане приняты сценарии «Сек-

ретная миссия» Исаева и Макларского, «У них есть Родина» Михалкова и по его же пьесе сценарий «Я хочу домой»...

— Прекрасно! Но это только начало. Надо средствами киноискусства больше, ярче, настойчивее призывать народы мира сменить кулаки на раскрытые ладони!

...Был весенний день. Вокруг все зелено, солнечно, все наполнено радостью мирной жизни. Неужели, думалось мне после всего рассказанного Фадеевым, вслед за столь разрушительной войной возможны другие, еще более ужасные войны?! Неужели преподанный врагам мира исторический урок будет позабыт?! Неужели в некоторых странах Запада вновь найдутся гитлеры, которые начнут опираться на грубую силу, навязывать свои порядки, свой образ жизни другим, более слабым и менее развитым странам, решившим жить по-иному, по-своему, не как им предлагают, угрожая, а как они сами того желают?..

В моей памяти ожили руины Сталинграда, виделись шпалеры трупов ленинградцев, погибших в блокаду... Нет! Таких правителей-людоедов, ежели они организуют вселенскую катастрофу, народы земного шара казнят как извергов рода человеческого!.. Фадеев, рассуждал я, зорко вглядывается в будущее. Да, нужны, очень нужны фильмы, книги, вся сила прогрессивного искусства, чтобы разоблачать и разоблачать поджигателей нового мирового пожара!..

Борис Дьяков.

П Р И Т Я Ж Е Н И Е

Шла деятельная подготовка к открытию Второго съезда писателей. Фадеев заторопился с отъездом, срочно завершая начатые главы романа. Выглядел он плохо и отказывался от всех выступлений, даже в небольших залах. Наконец согласился прочитать одну главу, скорее всего отрывок из главы, чтобы услышать мнение литераторов.

Большую радость получили участники этого коллективного прослушивания от проникновенных, сердечных строк нового романа.

До центральной гостиницы, расположенной по проспекту Ленина в двух кварталах от областного отделения Союза писателей, Фадеева провожала группа литераторов и поклонников творчества. Шли медленно, стремясь prolongить общение с писателем, слушать его задушевный голос, порой раскатистый, серебристый смех.

И все же маршрут закончил-

ся. Вот и гостиница. Фадеев крепко пожимал руки, продолжая отвечать на вопросы, обещая после съезда писателей вновь приехать на Урал. Тогда уже на длительное время, чтобы «основательно поработать над романом, без спешки». Мы тоже раскланялись и направились было к дому, как услышали оклик Александра Александровича:

— Людмила Константиновна, можно вас на минутку? Вы не возражаете, если я приглашу вас с мужем к себе в гостиницу скоротать время до самолета?..

В прихожей стояли два больших чемодана. Фадеев не любил дилетантизма и, приступая к новой книге, тщательно готовился, вооружался необходимой специальной литературой. Второй чемодан — коричневый, кожаный, крупнее обычного. В нем — конспекты, рукописи, технические справочники, необходимые при работе над романом «Черная металлургия».

...Александр Александрович включил настольную лампочку, пригласив занять нам глубокие кресла, сам занял у стола — полужесткое. Дежурная принесла чай, опустила на окне тяжелую драпировку. Так началась неторопливая, задушевная беседа, запомнившаяся нам на всю жизнь. С первых же фраз можно было понять, что он обеспокоен не только обострением болезни печени, но и другими обстоятельствами — в том числе подготовкой ко Второму съезду писателей и разноречием, с которым встречены первые главы его нового романа.

Понимая его душевное состояние, мы никаких вопросов не задавали. Видимо, уловив эту щепетильность, он сам спросил:

— Людмила Константиновна, у вас уже несколько поэтических сборников. И лишь одна маленькая поэма. Как вы относитесь к этому жанру?

— Вполне положительно.

— И что же смущает?

— Плохо писать не хочу, а к большому еще не готова. — Помолчав, добавила: — Впрочем, планы и даже наброски есть.

— Вот как! Если не секрет — из какой сферы?

— Верности, любви и героизма русской женщины. Даже название определилось. «Лесная свадьба». Речь идет о событиях, связанных с Кыштымским восстанием начала XIX века на Урале и в Сибири.

— Что ж, можно порадоваться верности и любви вашей к Уралу, к благородному и красивому образу русской женщины, — сказал он после большой паузы. — Знаете, я вам черкну из Москвы по задуманной вами тематике...

Действительно, впоследствии в одном из писем он высказывал свои мысли, как бы продолжая этот давний разговор.

Николай СМЕЛЯНСКИЙ.

ПРАВДА ЗА НАМИ...

ВЫСОКИЕ кабинетные двери. Я остановился на пороге. Фадеев встал из-за письменного стола. Здраваясь, весело впился в меня серыми с синими искорками глазами. Узкий в плечах, с большими «мальчишескими» ушами, прямым тонким носом, в темном костюме и цветной сорочке с изящно повязанным галстуком, он показался мне в эту минуту моложе своих сорока восьми лет. Был полдень. В сумеречном кабинете, разделенном аркой, с тяжелыми шторами на трех окнах и длинным столом заседаний, горела под потолком люстра. От ее яркого света еще резче отливались чистым серебром рано поседевшие волосы Фадеева.

— Прощу! — он указал на кресло. — Не люблю, знаете ли, смеси дневного и вечернего света! — Фадеев выключил люстру, раздвинул шторы на окнах, вернулся за письменный стол. — В вашем лице хочу приветствовать нужного нам человека в аппарате правления.

— Признаюсь, Александр Александрович, для меня это приятно и неожиданно.

— То, что приятно — это хорошо. А неожиданность, коль она тоже приятна, должна радовать. Нужно, понимаете, энергично взяться за дела киномиссии. Ее председателем мы утвердили Константина Симонова, вам предлагаем быть заместителем. Вместе с Константи-

ном Михайловичем наметьте, пожалуйста, новый состав комиссии. Что главное? Систематически вовлекать писателей в киноматографию, так сказать, нацеливать их на генеральные темы.

— Беда в том, что большинство ведущих писателей и драматургов, я это заметил, работая в Министерстве кинематографии, холодно, даже в какой-то мере пренебрежительно относятся к сценарию как к жанру литературы третьего сорта.

— Да-а, — протянул Фадеев, припав головой к спинке кресла, смежил глаза, закрыв лицо.

— Вам нездоровится, Александр Александрович?

— Печенка что-то гримасничает... Видать, держава в теле убывает... А что вы скажете относительно Вишневого, Вирты, Погодина, Корнейчука, Штейна, Спешнева?..

— Радостное исключение! Пожалуй, можно добавить еще несколько имен.

— Мало, мало, — тихо произнес Фадеев из глубины кресла, тут же распрямил плечи. — Нам нужно, понимаете, сдвинуть, соединить два противоположных берега в одно большое творческое поле. Чтобы никакого, так сказать, водораздела! Короче говоря, обязанность Симонова и ваша — заключить между Министерством и Союзом писателей, так сказать, договор дружбы, давать бой тем, кто придержи-

вается позиций аполитичности в киноискусстве, формализма. Ох, как нам нужны фильмы о высоком и прекрасном! Это же важнейшая задача реалистического искусства!

С Константином Михайловичем мы быстро нашли общий язык. Мы представили секретариату проект нового состава киномиссии. Он был одобрен.

— Теперь разработайте план действий на ближайшие годы, — предложил Фадеев, — созовите расширенный пленум киномиссии. Я уеду в Нью-Йорк на Всемирный конгресс деятелей науки и культуры в защиту мира. Вряд ли успею домой, к вашему пленуму. Без меня Симонов проведет! Всей душой желаю вам успеха!

...Фадеев вернулся в первых числах апреля. Симонов был в командировке, и рассказывать Александру Александровичу об удачно проведенном пленуме пришлось мне.

— Доброе дело сделали! — выслушав, сказал Фадеев. — На первое место мы должны выдвигать сценарии о борьбе за мир. В этом меня лишний раз убедил конгресс в Нью-Йорке.

Он стал делиться своими впечатлениями.

— Понимаете, как остро сейчас стоит эта проблема и, видимо, будет стоять еще долгие годы. Я выступил на конгрессе, так сказать, с предельной искренностью. Мои слова о том, что свободна на свете только

правда, но прежде чем решать, кто более свободен на свете, надо честно уяснить, на чьей же стороне правда! — Фадеев ухмыльнулся, — вызвали горячий отклик. Потом я заявил, что мне, русскому писателю, может быть, уместно будет напомнить, что добрые отношения между Америкой и Россией имеют, так сказать, более давние традиции, чем отношения плохие, что добрые отношения сложились еще со времени борьбы Америки за свою независимость в позапрошлом веке. Разумеется, сослался на оду Радищева «Вольность», на «Европейские заметки» Фенимора Купера, ну и, конечно, упомянул Чернышевского, посвятившего немало замечательных статей, проникнутых любовью к американскому народу.

— Напомнили, вероятно, и о встрече на Эльбе?

— Да! Сказал, что было бы странно в наши дни, когда советские и американские люди вместе проливали кровь против немецких нацистов, чтобы два наших великих, сильных народа не нашли единства в обеспечении мира на планете. Знайте, говорю, скажите, кому должно, во всеуслышание: мы, советские люди, поддерживаем стремление американцев, выраженное устами их прогрессивных деятелей, к миру, к укреплению мира!..

— Александр Александрович, вы рассказываете волнующие вещи!.. У нас, кстати, в этом плане приняты сценарии «Сек-

ретная миссия» Исаева и Макларского, «У них есть Родина» Михалкова и по его же пьесе сценарий «Я хочу домой»...

— Прекрасно! Но это только начало. Надо средствами киноискусства больше, ярче, настойчивее призывать народы мира сменить кулаки на раскрытые ладони!

...Был весенний день. Вокруг все зелено, солнечно, все наполнено радостью мирной жизни. Неужели, думалось мне после всего рассказанного Фадеевым, вслед за столь разрушительной войной возможны другие, еще более ужасные войны?! Неужели преподанный врагам мира исторический урок будет позабыт?! Неужели в некоторых странах Запада вновь найдутся гитлеры, которые начнут опираться на грубую силу, навязывать свои порядки, свой образ жизни другим, более слабым и менее развитым странам, решившим жить по-иному, по-своему, не как им предлагают, угрожая, а как они сами того желают?..

В моей памяти ожили руины Сталинграда, виделись шпалеры трупов ленинградцев, погибших в блокаду... Нет! Таких правителей-людоедов, ежели они организуют вселенскую катастрофу, народы земного шара признают как извергов рода человеческого!.. Фадеев, рассуждал я, зорко глядится в будущее. Да, нужны, очень нужны фильмы, книги, вся сила прогрессивного искусства, чтобы разоблачать и разоблачать поджигателей нового мирового пожара!..